

УДК 94:322(495)

Гаген Сергей Яковлевич

канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Gagen Sergey Jakovlevich

Candidate of History, Candidate of Law,
Associate Professor, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ
ПОПЫТКИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ
ПЕРЕГОВОРОВ ОБ УНИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ
И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ
В 1334 ГОДУ**

**THE POLITICAL
AND SOCIAL REASONS
TO REOPEN THE NEGOTIATION
OF UNION OF THE ORTHODOX
AND CATHOLIC CHURCHES
IN 1334**

Аннотация

Статья рассматривает попытку западных держав, создавших военный союз против турецкого пиратства «Священная лига против турок» (1332–1334 гг.), привлечь к участию в нем Византию. Рассмотрены социальные и политические причины попытки возобновления переговоров об унии православной и католической церквей в 1334 году.

Ключевые слова: Крестовый поход; Византия; Священная лига против турок; Лионская уния; уния церквей; латинский Запад.

Abstract

The article deals with an attempt of Western powers which had created a military union against Turkish piracy in Mediterranean so-called «Holy Leage against Turks» (1332–1334) to recruit Byzantium. The political and social reasons of the attempt to reopen the negotiation of Union of the Orthodox and Catholic Churches in 1334 were regarded in large contexts.

Keywords: Crusades; Byzantium; Holy Leage against Turks; the Lyon Union of 1274; the Church Union; the Latin West.

Тридцатые годы XIV столетия – крайне беспокойное время в Европе. Политическая напряженность в Западной и Центральной Европе была вызвана, прежде всего, имперскими амбициями французских королей новой династии Валуа [39. С. 25], которые претендовали на то, чтобы установить контроль над папами и выдвинуть своего сторонника на трон Священной Римской империи [38. С. 876].

Южная Европа и регион Средиземноморья стали яблоком раздора между Генуей и Венецией – стремительно развивавшимися торговыми республиками, которые стремились взять под контроль старые морские коммуникации и создавать новые, агрессивно распространяя свое влияние на бывшие земли Византийской империи. Итальянские купцы, венецианцы, генуэзцы и, в меньшей степени, жители Пизы и других итальянских городов стремились наладить торговлю с Кыпчакским ханством (Золотой Ордой).

Торговля, прибыль, кредит, богатство – овладели мыслями людей первой трети XIV столетия. На смену средневековому рыцарю XIII столетия – благородному крестоносцу (таковым оставался все еще французский король Филипп VI Валуа [Там же. С. 873]) пришел человек XIV столетия – отчасти пират, отчасти торговец, а по случаю и работорговец, что в то время означало одно и то же. «Новый человек» и новый богачей был чаще всего горожанин – новая опора королевской власти времени упрочения сословно-представительных монархий. Успеху торговле способствовало распространение в Европе арабских цифр, а подъему образо-

вания и юриспруденции – повсеместное употребление дешевой в производстве бумаги. Понятно, что юриспруденция невозможна без бумаги [38. С. 1091–1096].

Европейский человек стал человеком рациональным. Старинные возвышенные идеи, вроде «освобождения» Гроба Господня, теперь тщательно планировались и подготавливались. Для нового крестового похода король Филипп VI Валуа создал специальный комитет, который должен был изучать опыт подобных предыдущих акций и собирать информацию [39. С. 34]. Королевская бюрократия рассчитывала налоги, верстала бюджет предприятия, и разрабатывались универсальные нормативы потребления для коней и людей. Заседали комиссии по разным вопросам, велась переписка между ведомствами (благо, бумага стала дешевой), согласовывались различные вопросы, разрабатывались планы, которые шли на утверждение в королевский совет. Крестовый поход окончательно превратился в бюрократический «бизнес», т. е. стал рутинной работой королевской администрации [Там же].

Если рыцарь времен первых крестовых походов просто седлал коня и отправлялся в заморские земли, то рыцарь XIV в. бегал по королевским инстанциям, согласовывая нормативы потребления и зарплату для себя и для своих спутников. Хотя французский король Людовик IX Святой в 1240-х гг. также пытался организовать с помощью своей администрации крестовый поход [Там же] и его опыт был востребован в 1330-х гг., но все же комитет короля Филиппа VI отличался тем, что не просто собирал деньги. Члены французского королевского комитета по подготовке Крестового похода в 1330-х гг. собирали, прежде всего, информацию. Они принимали послы и беседовали с миссионерами, а в адрес комитета поступали многочисленные трактаты с проектами крестового похода и описаниями прилегающих земель (см., например: [28. С. 44–45]). Подготовка нового крестового похода была не только военной и финансовой, но и дипломатической.

После падения последней цитадели крестоносцев, крепости Акра, в 1291 г., возникла необходимость в военной базе для нового натиска на Восток. Такой базой мог быть только Константинополь, который с 1261 г. вновь находился в руках византийцев. Поэтому перед латинским Западом возникла дилемма, либо вновь завоевать Константинополь, как в 1204 г., либо привлечь византийцев в качестве союзников крестоносцев, как это уже было в эпоху первых крестовых походов.

Папская миссия 1334–1335 гг. в Константинополь

В 1334–1335 гг. в Константинополь прибыли два латинских легата от папы Иоанна XXII [31. С. 206–208], пребывавшего в Авиньоне. Это были архиепископ Босфора (Керчь в Крыму) Франческо да Камерино и епископ Херсона англичанин Риккардо (источники о Франческо да Камерино и Риккардо см.: [9; 12. С. 550–551; 22. С. 181. No.: 60752, С. 190. No.: 60891, С. 176. No.: 60684, С. 191. No.: 60898; 15. С. 417]). Целью посольства было уговорить греков возобновить переговоры об унии церквей. Уже сам факт того, что латинские епископы, назначенные в византийские города, собирались начать переговоры об унии церквей, может рассматриваться как неслыханная дипломатическая дерзость.

Придворный философ и крупный византийский ученый Никифор Григора был приглашен патриархом Иоанном XIV Калеккой [47] для выступления перед немногими епископами константинопольского синода, чтобы всесторонне рассмотреть эту проблему [29. С. 1331–1359; 23. С. 502.10–520.10; 25. С. 262–273].

Лионская уния 1274 г. как модель объединения церквей

Возникает вопрос о том, о какой именно модели унии церквей могла идти речь. Ближайшая уния церквей, память о которой еще была жива в Византии, – Лионская уния 1274 г. Византийцы были заинтересованы в унии церквей, глав-

ным образом для того, чтобы устранить угрозу нового вторжения вооруженных сил латинского Запада на их территорию. Опасность новой латинской оккупации Константинополя была полностью устранена только после «Сицилийской вечерни» 1281 г. Об условиях заключения унии 1274 г. сообщает более чем через полвека после самого события византийский историк Никифор Григора, который, впрочем, не был хорошо осведомлен о всех обстоятельствах дела (о греческих источниках см.: [14]).

Историк пишет: *«Итак, они прибыли (в начале 1273 г. посланцы Михаила VIII и папы в Константинополь. – С. Г.) и соглашение получилось при соблюдении трех глав: первая, в священных песнопениях папу в диптихах упоминать вместе с другими четырьмя патриархами; вторая, относительно апелляции, т. е., возможно каждому, словно в более значительный и совершенный, обращаться в суд старого Рима; и третья, о первенствовании (Рима. – С. Г.) во всем»* [23. С. 125.10–16].

Текст византийского историка указывает только на то, что вызвало наибольшее возмущение в Константинополе. Византийцев раздражало упоминание имени папы в православных храмах и признание первенства Рима в судебных и догматических вопросах.

Уния с Римской церковью расколола византийское общество. Выгодой от сближения церковью воспользовались не все. А поэтому на религиозное сознание населения восстановленной после 1261 г. Византийской империи Лионская уния 1274 г. оказала негативное воздействие с далеко идущими последствиями в том, что касается отношений с латинянами (об отношении византийского общества в унии см.: [10; 11]).

Никифор Григора писал: *«О добавлении же, которое те (латиняне. – С. Г.) вводят как новое в отношении священного символа (Filioque. – С. Г.), или о другом каком предположении принудительной некой распри до той поры (до заключения унии. – С. Г.) не случилось, но великое спокойствие и расслабленность овладевали тогдашними делами в отношении этих (вопросов. – С. Г.)»* [23. С. 125.16–20].

«Отеческое благочестие» или «общая выгода»?

Негативный опыт Лионской унии 1274 г. создал новый социально-политический контекст для восприятия византийцами латинского Запада. Следует отметить, что Лионская уния не только затрагивала чувства православных верующих, но и многократно усилила власть императора внутри страны, причем не только над церковью, но и над обществом [3. С. 11]. Население восстало не столько против унии с католиками, сколько против превращения императора в тирана. Придворный философ Никифор Григора живописал в своем историческом сочинении все ужасы репрессий Михаила VIII Палеолога против священнослужителей, не принявших Лионскую унию 1274 года [23. С. 126.15–18] (см. также: [53]). Именно в те времена вопрос о том, как далеко можно зайти в сотрудничестве с католическим Западом, приобрел актуальность.

Описывая репрессии против отвергших унию, Никифор Григора ставит вопрос об «отеческом благочестии» как о фундаментальной ценности, формирующей идентичность жителя «империи ромеев» [43]. Правда, после отмены унии в 1285 г. в тюрьмах и ссылках оказались не менее фанатичные сторонники союза с Римом. Рациональному аргументу «Запада», говорящему о «выгодах» союза церковью, византийский философ противопоставляет иррациональный аргумент: «отеческое благочестие» выше выгоды.

С февраля 1334 г. патриархом Константинополя стал Иоанн XIV Калека, образованный выдвигенец Иоанна Кантакузина [48], в свою очередь – сподвижник и близкого друга императора Андроника III Палеолога. Назначение именно этого

человека было не случайным. Новый глава Константинопольской церкви обладал солидным юридическим образованием, судебским опытом и блестящими ораторскими способностями. Эта кандидатура наилучшим образом подходила для проведения кардинальной судебной реформы, начатой в 1329 г. [46]

Недавно избранный на патриарший престол иерарх, будучи блестящим оратором, все же не был силен в светской учености и силлогизмах, а без этих вещей не обходилась тогда ни одна серьезная полемика с латинянами. Кроме того, среди высшего клира не было единства по отношению к унии церквей.

Придворный философ Никифор Григора пришел на помощь своему сановному другу. Опираясь на трактат, специально написанный для него византийским философом, патриарх дал отрицательный ответ папским легатам. Однако отказ от полемики ее не закончил. Об этом можно догадаться по тому факту, что полемика была продолжена уже другим философом – Варлаамом Калабрийским (доверенным лицом Андроника III и его тайным посланником в Авиньон в 1339 году). Этот факт может означать то, что формирование византийской идентичности на основании тезиса, что «отеческое благочестие» выше государства, еще не было закончено в тридцатых годах XIV столетия. Ведь именно эта идея позволила византийской церкви благополучно существовать под турецким игом после 1453 г. Я бы назвал этот феномен отказом от национальной идентичности в пользу культурно-религиозной. Византия, правда, не кажется каким-то исключением для того времени. В Европе национальная идентичность начинает формироваться только после окончания Столетней войны 1337–1453 гг.

Посольство союзников по «Священной лиге» в Константинополь в 1334 г.

Исследователи уже обращали внимание на место из «Истории Ромеев» Никифора Григоры, где описываются политические усилия западных государств в 1332–1334 годах, направленные на обуздание турецкого пиратства [23. С. 523.1–524; 20. С. 386]. Фан Дитен предположил на основании анализа этого текста (он будет процитирован далее) то, что в нем сообщается о неизвестном военном посольстве государств – членов антитурецкой коалиции, которое могло прибыть в Константинополь в конце 1334 г. и о котором более нигде не упоминается [25. С. 365. Anm. 451].

Разыскивая дополнительную информацию об этом загадочном посольстве, я обратил внимание на письмо папы Иоанна XXII, касающееся проекта неких переговоров об унии, которое еще не использовалось исследователями, занимающимися миссией 1334–1335 гг. в Константинополь.

Речь идет о послании папы к королю Франции Филиппу VI от 12 марта 1334 г. Письмо начинается следующими строками: «Тому же королю [Франции]. Между прочим, любимый сын, знатный муж Гуго Кверети (Hugo Quereti), рыцарь (miles), магистр королевского Госпиталя, королевский посол, под предоставленным ему доверием нам сообщил и то, что о брате оном, который должен путешествовать к султану, путешествовал ли, хочет знать королевское величество» [21. No.: 5423. С. 158].

Из других источников ныне известен только один посол, который должен был в указанное время посетить хана Золотой Орды Узбека («султана» в письме), а именно архиепископ Чамбалеха (Cambalech), или Чамбалу (Cambalu), Николай. Известно, что римский папа в Авиньоне Иоанн XXII назначил 18 сентября 1333 г. некоего Николая архиепископом Чамбалеха, а 31 октября того же года этому Николаю были поручены переговоры с армянским, т. е. киликийским, царем Леоном (Львом) V и с католикосом Армении Акопом (Иаковом) [40. С. 542. No.: 1866]. Этот же самый Николай, по предположению Х.-Ф. Байера, участвовал в перегово-

рах об унии церквей 1334–1335 гг. и назван по имени в антилатинских трактатах Варлаама Калабрийского [42. С. 69].

Здесь же Х.-Ф. Байер предположил, вопреки своему собственному прежнему мнению [24. С. 68], что Чембало, куда получил назначение Николай, должно находиться «около Херсона» [42. С. 69]. Дж. Голубович подробно прослеживает по документам путь Николая, который отбыл на Восток только осенью 1334 г., имея рекомендательные письма и поручения к армянскому царю, армянскому патриарху, хану Узбеку, правителю кипчаков и хазар, ко всем правителям и ко всему народу татар, и задержался в Центральной Азии примерно до конца 1337 г. (известно письмо из Пекина от 1338 г., что он туда еще не прибыл). Однако Николай упоминается как архиепископ Пекина 1340–1341 гг., а также есть свидетельство о его преемнике около 1369 г. (см.: [16. С. 421–423]). (О том, что Пекин входил в сферу влияния доминиканцев см.: [2. С. 475].) Однако разногласие о месте назначения Николая (Пекин или Чембало) разрешается, как кажется, тем обстоятельством, что Чембало (Балаклава) перешла к генуэзцам только в 1357 году [16. Р. 381], а в интересующее нас время еще была византийской. Кроме того, это назначение фактически дублирует полномочия Франческо да Камерино, назначенного несколько месяцев ранее архиепископом Босфора.

Из дальнейших строк письма к королю Франции узнаем и о причине задержки миссии в Чамбалех (Пекин): «На это мы кратко отвечаем, что ввиду того, что некоторые из районов этих пришли, которые путешествие свое прямо считали бесполезным, он еще не выступил в путешествие свое. Однако, так как два брата-проповедника [доминиканца], которые из оных районов совсем недавно пришли, которые с султаном, как утверждали, поговорили, нам сообщили, что содержит записка, приложенная к настоящему [письму], то более выгодным этого брата отправление мы считаем, чем промедление, и из-за этого мы намеренны слать его, потому что никоим образом не считаем, что что-то неприятное следует из этого, но будем надеяться, что будет получена некоторая выгода, а если и не будет, то о том, что будет сделано в этих районах, мы сможем иметь более полную информацию» [21. No.: 5423. С. 158].

Упомянутые два брата-проповедника, которые положительно оценили перспективы переговоров с «султаном» (ханом Узбеком), это, как можно предположить, папские легаты Франческо и Риккардо, так как именно они, возвращаясь из своей первой миссии на Восток и проследовав весной 1333 г. [36. С. 490] через Константинополь, получили, вероятно, некоторые свидетельства о благожелательном отношении византийцев к унии [7. No.: 2792].

Это явствует из письма папы от 4 августа 1333 г., адресованного Джованни Пизано и сообщающего, что два восточных миссионера (Франческо и Риккардо) упоминают неких игуменов греческих монастырей Св. Димитрия и Св. Василия, благосклонных к унии церквей [1. No.: 133. С. 248. 34.ad an.1333. n.18].

Предположение тем более вероятно, что далее папа рассуждает и о перспективах переговоров об унии церквей с греками: «Если к императору греков слать кого-то ради его возвращения к унии с Римской церковью намерено королевское величество, то выгодно, чтобы это посольство было тайно; другое, однако, может быть публично, касающееся экспедиции и дела турок. Что касается этого посольства, что относится к унии Церкви, казалось бы выгодным, чтобы королевское величество дало ему (средства? – С. Г.), чтобы путешествовало по воде, за него Церкви (дословно: у Церкви. – С. Г.) было позволено сыграть свою роль» (?) [21. No.: 5423. С. 158].

Следует подчеркнуть, что папа стремится сохранить в тайне переговоры об унии церквей от всех греков и на первый план выдвигает военный союз против турок. Такая политика Авиньона вполне отвечала и намерениям Андроника III

Палеолога скрыть от большинства подданных переговоры с папским престолом [13. С. 79].

Марино Санудо Торселло в 1334 г. также убеждал папу и французского короля в том, что византийский император готов к переговорам об унии, но не может обсуждать этот вопрос открыто из-за опасений вызвать волнения среди своего народа [18. Эп. 6. С. 804].

Здесь же следует задержать внимание на адресате папы и причине их взаимного интереса относительно церковной унии с греками. Известно, что Филипп VI Валуа при поддержке папы Иоанна XXII в интересующее нас время возобновил разговоры о новом крестовом походе в Святую Землю [33. С. 1218].

«Священная лига» против турок

Взгляды папы и французского короля на роль Византии в осуществлении их планов не оставались постоянными. Ибо если в 1328–1329 гг. Иоанн XXII собирался создать лигу с Венецией не только против «болгар, аланов, турок», но и против «схизматиков греков» [26. С. 701–702], то уже 26 августа 1332 г. между Венецией, Византией, а также иоаннитами Родоса был заключен союз против турецкого пиратства. Интересная деталь: К. М. Сеттон замечает, что «императорский документ был хрисовул, подписанный *manu nostra rubea subscriptione*, но Андроник не имел под рукой золотой печати!» [8. No.: 2785; 7. No.: 116. С. 227]. См. также: [35. С. 180. п. 82.], т. е. возможно, он и не собирался выполнять эти соглашения.

6 сентября 1332 г. Пьетро да Канале представлял Византию при заключении нового договора с госпитальерами, по которому Византия была обязана снарядить десять боевых галер к 15 апреля 1333 г. [6. No.: 116. С. 225–226; 228–229], см. также: [36. С. 180–181. п. 84]. (Ср. другое прочтение договора в: [25. С. 365. Anm. 451]. В книге [4. С. 124] названа дата 15 октября 1333 г.) Кроме того, 8 марта 1334 г. по инициативе Иоанна XXII в Авиньоне было достигнуто соглашение о создании морского антитурецкого союза с участием Венеции, Византии, госпитальеров, короля Кипра и Святого (папского) престола [7. No.: 2785. 34. an 1333 n. 7; 4. С. 125].

Как показывает письмо папы Иоанна XXII к королю Филиппу VI от 7 марта 1334 г., проблема унии с греками весьма интересовала западных союзников Андроника III Палеолога [21. No.: 5410. С. 153] как раз в контексте совместных военных усилий, хотя, как показывает уже процитированное выше письмо от 12 марта 1334 г., они не собирались оказывать на православного самодержца чрезмерного давления, требуя открытых дискуссии об унии [Ibid. No.: 5423. С. 158].

Письмо папы королю Сицилии Фадрике II Арагонскому [30. No.: 30184. Fedèrigo, Fadrique. Король Сицилии 1296–1337 гг.] от 19 мая 1334 г. подробно описывает вклад в антитурецкий союз каждого из государей. Можно предположить, что масштабы участия Византии в общем деле разочаровали союзников, так как они требуют от Андроника III десять галер в исполнение договора от 6 сентября 1332 г., но готовы удовольствоваться хотя бы шестью, сами же инициаторы союза, папа и французский король, готовы поставить по 8 галер в общий флот из 40 галер [21. No.: 5410. No.: 5485. С. 175–176].

Известно, что союзная эскадра крейсировала в Эгейском море с мая по сентябрь, атакуя пиратские корабли турок, но после смерти папы в декабре 1334 г. союз распался [43. С. 139] см. также: [9. С. 157]. Наибольший успех союзников пришелся на осень 1334 г. По данным К. А. Жукова, «с 8 по 17 сентября 1334 г. латинский флот в нескольких сражениях сжег значительное число кораблей турок <...> Решающее сражение произошло в конце октября 1334 г. в заливе Эдремит, когда 32 галеры (папы, французского короля Филиппа VI, Венеции и, вероятно,

родосских рыцарей и кипрского короля Гуго IV) под командованием Пьетро Дзено полностью разгромили огромный флот Якши Каресиоглу [30. No.: 11130; 39., 2, 1107]. <...> Той же осенью латинский флот одержал еще ряд внушительных побед над турками у побережья Малой Азии, но еще в течение двух лет галеры венецианцев и госпитальеров продолжали патрулировать Эгейское море до тех пор, пока воинственные эмиры не пошли на заключение мирных соглашений» [51. С. 35] см. также: [34. С. 182; 22. С. 96–98]. Византия в этих победах не участвовала. Понятно, что союзники, гордые своими достижениями, были раздражены неучастием в ратных трудах, а более всего, как можно предположить, в военных расходах, византийского императора.

Посольство «союзников» в Константинополь

Никифор Григора в своей «Истории» излагает византийскую точку зрения на международные события в Средиземноморье. Он признает, правда, общий вред для «латинян и ромеев» от турецкого пиратства и безнаказанность турецких грабительских десантов в глубину материка в 1334–1335 гг., так как фан Дитен предполагает, что речь у Григоры идет именно об этом времени [25. С. 358. Anm. 451]. Византийский историк пишет: «В следующий год турки, изготовившие большое количество кораблей, стали вредить не только островам Эгейды и далее Эгейды, но и, захватывая выходящие для торговли суда, разграбляли их. Они делали частые высадки в середину суши, словно в дружественную землю, не встречая никакого сопротивления. Вот то, что доставляло общий вред латинянам, равно как и ромеям, и еще бóльшим угрожало страхом в будущем» [23. С. 523.1–7].

Далее Григора сообщает о создании антитурецкой лиги, неправильно называя Карлом короля Неаполя Роберта Анжуйского [25. С. 365. Anm. 451]. Речь, вероятнее всего, идет об упомянутом выше договоре 1332 г. Можно предположить, что византийский историк, не очень интересующийся внешней политикой, соединил в одном сообщении разновременные события.

Заслуживает внимания и упоминание о военном посольстве западных союзников в Византию, которое, согласно рассуждениям Фан Дитена, могло иметь место в конце 1334 г., когда союзники, выведенные из себя бездеятельностью византийского императора, могли прибегнуть к угрозам [Там же. С. 366. Anm. 451]. Никифор Григора пишет: «Совещаются, следовательно, собравшиеся вожди латинян о деле друг с другом и с Карлом, королем Италии, и обещают приготовиться к отражению врагов. Они же посылают и к императору посольство, разясняя общее латинское устремление и требуя, чтобы он вступил в общее предприятие и не поставил во вторую очередь дела серьезные. “Ибо нестерпимы, – они говорили, – все ужасы, которые доставляют варвары ромеям и латинянам и которые доставлять еще обещают. Но неуместно и, кроме того, знак медлительнейшего со всех сторон умонастроения и намерения, если, хотя возможно использовать возникающий против нашей воли каждый год убыток и расход наших денег на варваров для приготовления морской силы и для обороны против них, вследствие того (что ничего не делаем. – С. Г.) мы добровольно уступаем (врагу. – С. Г.) и как бы толкаем в явную и бесспорную опасность вместе с нашими деньгами и самих себя”» [23. С. 523.7–524.12].

Последняя фраза приведенного высказывания, передающая аргументы латинского посольства, содержит обвинение, если можно так выразиться, в неприятельских действиях. Медлительность в ситуациях, когда требуется воинственная решительность, приравнена к добровольной сдаче. Обычная имперская практика – откупаться от варваров деньгами и выкупать своих пленных – получает у латинских союзников империи несколько иную интерпретацию. Они обвиняют византийцев в фактическом финансировании турецкой военной мощи. Отсюда логично

вытекают и угрозы в адрес императора, о которых сообщает Никифор Григора, намекая на вынужденное присоединение Византии к антитурецкой коалиции: «Внесли же они в посольство и как бы некий рефрен, что если не выступишь и ты (император. – С. Г.) с нами к отражению общих врагов, то не замедлишь и сам от нас равное врагам претерпеть, подвергаясь войне. Это заставило императора и самого вступить в это общее дело» [23. С. 524.12–17].

Кроме того, можно заметить, что раздражение союзников очевидно уже в мае 1334 г., как явствует из упомянутого выше письма папы к королю Сицилии от 19 мая 1334 г.

В целом складывается впечатление, что Никифор Григора выступает против активного вовлечения Византии в союз с латинянами, так как турецкой угрозе, как можно заключить из текста, империя предпочитала противостоять дипломатическими мерами. Византийский историк, по всей вероятности, опасается того, что оскудевшие ресурсы Византии пойдут на обслуживание амбиций латинских властителей и в конечном итоге, как это, впрочем, и случилось, не принесут грекам никакой пользы.

Наш историк замечает, что бездействие империи было обусловлено плачевным состоянием императорской казны [Там же. С. 524.17]. Боевая мощь византийского флота, состоящего из отремонтированных старых и спешно сооруженных за зиму новых кораблей, представляется весьма сомнительной. Поведение императора, который, не имея опыта, порывается сам командовать эскадрой, так как, вероятно, задета его рыцарская честь, позволяет предположить неприязненное отношение византийского историка и к самому предприятию вообще и к его главному исполнителю в частности.

Никифор Григора повествует далее: «Когда эти дела были таковы, они чинили старые корабли и другие от самих уже оснований они изготавливали в течение всей вот этой зимы. Когда уже весна заканчивалась, император, снарядив двадцать кораблей, приготавливался к отплытию, сам становясь добровольцем-навархом флота, хотя и терпел препятствия в этом от супруги-властительницы и всех прочих, из-за того, что не достигают достоинства императорского сана подобные дела. Он же, как и в прочем, сам ревновал сделаться самостоятельным производителем событий, так и теперь весьма воспылал честолюбием и был полон боевого стремления. Но все же сидел спокойно, ожидая прибытия и латинских сил. Но латиняне, занявшись замешательствами и смятениями, недавно возникшими среди них самих, бездеятельными и лживыми оказались в своих обещаниях» [Там же. С. 524.21–525.10].

Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что предполагаемая дата посольства для переговоров о более активном участии Византии в антитурецкой коалиции и выполнении ею своих обязательств фактически совпадает по времени с церковной миссией епископов Франческо и Риккардо. Более того, если принять во внимание упомянутую просьбу папы к королю Франции «предоставить средства для морского путешествия» для посольства, направляющегося в Константинополь вести переговоры об унии церквей, то можно предположить, что фактически было одно посольство, в состав которого и были включены папские легаты Франческо и Риккардо [21. No.: 5423. С. 158].

Можно также предполагать участие в этой миссии рыцаря Гуго Кверети (Hugo Quereti), посла короля Франции, пользовавшегося доверием и папы, и короля, который упоминается среди нунциев Филиппа VI в коалиции против турок [Там же. No.: 5485. С. 175]. Возможно, что именно он возглавлял военное посольство в Константинополь. Этот человек был членом королевского комитета по подготовке крестового похода, выполнял различные дипломатические и разведы-

вательные миссии на Востоке, затем погиб в морской битве с англичанами в 1340 г. [39. С. 34].

Вполне вероятно, что в контексте требований исполнить обязательства по договору 1332 г., для византийского императора было бы весьма затруднительным отклонить требования объединения церквей. Ведь речь опять идет об идентичности. Сотрудничавшим с латинянами в военной сфере византийцам было довольно трудно обосновать отказ решить проблему объединения церквей, тем более что однажды, в не очень далеком прошлом, в 1274 г., это объединение уже произошло на Втором Лионском соборе.

На изложенную проблему можно взглянуть несколько шире. «Общее дело», или «общая нужда», о чем пишет Никифор Григора, отодвинули религиозные разногласия на задний план. Восторжествовал политический прагматизм, который, однако, поставил в повестку дня вопрос о способе самоидентификации.

Распад союза латинских правителей с Византией

Итак, латинский Запад впервые после 1291 года, когда пала Акра, последняя крепость крестоносцев в мусульманских землях, собрал значительные военные силы для создания «Священной лиги», для успешных действий против мусульманского морского пиратства на торговых путях Средиземноморья в 1334 г.

Однако союз всех христиан против общего врага не стал общей ценностью и элементом самоидентификации. Никифор Григора в процитированном пассаже, подсчитав все выгоды и убытки, призывает в итоге опираться на собственные силы.

Папский престол, вероятно не понимая всю хрупкость достигнутых соглашений, тотчас поспешил со своей «ложкой дегтя», вынуждая новых союзников к дискуссиям об унии церквей. Генуя не смогла примириться с ведущей ролью Венеции, своего заклятого врага и конкурента, в «Священной лиге».

Последовала вооруженная провокация. Антитурецкий союз западных держав с Византией оказался под угрозой после захвата генуэзцами Лесбоса, по всей вероятности летом 1335 г. [50. С. 525.16–19], см. также: [25. С. 359. Anm. 451; 26. S. 701–702. Anm. 1], хотя оккупация Лесбоса датируется иногда также осенью 1334 г. [6. С. 246. С. Хр. 8/29]. По источникам нельзя сказать, чтобы византийский император Андроник III Палеолог проявлял интерес к делам антитурецкой коалиции, после лета 1335 г. Последнее свидетельство византийской благосклонности к латинянам – подписание теми же латинскими епископами Франческо да Камерино и Риккардо 8 апреля 1335 г. акта Андроника III о привилегиях коммуне Перу [17. С. 440]. Надо отметить, что Пера была генуэзской колонией, а поэтому дарование ей привилегий можно рассматривать как попытку задобрить генуэзцев, раздраженных усилением венецианцев.

В ответ на агрессию генуэзцев, которую византийцы встретили как малое повторение событий 1204 г. [27. С. 438], император отплыл с флотом из 84 боевых кораблей [52. С. 132–133] из Константинополя против Лесбоса и Фокеи поздним летом (12–14 августа) 1335 г. [23. С. 528.23], а также осадил Перу. Крепость Лесбоса Митилена была отвоевана только летом 1336 г. Алексеем Филантропином, хотя он был вновь назначен наместником Лесбоса уже в мае 1335 г. [30. No.: 29752]. Это новое назначение видного военачальника, как можно предположить, свидетельствует о том, что захват Лесбоса произошел все же, скорее всего, поздней весной 1335 г.

Заключение

Таким образом, отношение византийского историка Никифора Григоры к папской миссии 1334 г. в Константинополь позволяет задать широкий исторический и культурный контекст для анализа данного события. Создание христианской «Священной лиги» против турецкого пиратства в 1332 г. и успешные боевые действия объединенного флота основных христианских государств Европы на торговых путях Средиземного моря в 1334 г. поставили Византию перед выбором: совместные с латинянами боевые действия против турок и в перспективе дальнейшая интеграция в виде союза церквей или сепаратные договоры с турками при сохранении своей религиозной свободы.

«Запад» не долго демонстрировал единство. В 1337 г. началась Столетняя война в Европе, и Францию перестали интересовать перспективы нового крестового похода, а значит, и дела в Средиземноморье. Продолжилось соперничество Венеции и Генуи, которое вскоре привело к войне между морскими республиками. Уже упомянутое нападение Генуи на византийский Лесбос в 1335 г. заставило византийцев заключить союз с сельджукским эмиром Уруханом [27. С. 438]. Международная ситуация еще раз заставила византийцев убедиться в том, что «отеческое благочестие» выше материальных выгод союза с «Западом», таким ненадежным и переменчивым.

Литература

1. Acta Ioannis XXII (1317–1334) e Registris Vaticanis / aliisque fontibus collegit A. L. Tautu. – Città del Vaticano, 1952. – Fontes III. – Vol. VII.
2. Altaner B. Die Kenntnis des Griechischen in den Missionsorden während des 13. und 14. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Humanismus // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1934. – Bd. 53.
3. Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. – Cambridge : University Press, 1995.
4. Bosch U. V. Kaiser Andronikos III Palaiologos: Versuch einer Darstellung der Byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. – Amsterdam, 1965.
5. Die byzantinischen Kleinchroniken / hrsg. P. Schreiner. – Wien, 1975–1979. – Bd. II. – S. 246. – Chr. 8/29.
6. Diplomatarium veneto-levantinum / ed. G. M. Thomas. – Venice, 1880. – T. I.
7. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. IV: Regesten von 1282–1341. – München–Berlin, 1965.
8. Edbury P. W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. – Cambridge, 1991.
9. Eubel C. Hierarchia Catholica Medii Aevi. – Münster, 1913. – Vol. I. (Chersonen).
10. Evert-Kappesova H. La Société byzantine et l'Union de Lyon // Byzantinoslavica. – Prague, 1949. – T. 10. – P. 28–41.
11. Evert-Kappesova H. Une Page de l'Histoire des Relations byzantino-latines: Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274–1282) // Byzantinoslavica. – Prague, 1952–1953. – T. 13. – P. 68–92.
12. Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente. – Verona, 1981. – Vol. I.
13. Gill J. Eleven Emperors of Byzantium seek Union with the Church of Rome // Eastern Church Review. – Vol. IX. – Oxford, 1977.
14. Gill J. The Church union of the Council of Lyons (1274) portrayed in Greek documents // Orientalia Christiana Periodica. – Roma, 1974. – Vol. 40. – P. 5–45.
15. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell' Oriente Francese. – Quaracchi presso Firenze, 1919. – Vol. III.
16. Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age. – Leipzig, 1884. – Vol. II.
17. Historiae Patriae Monumenta IX (Liber Iurium II). – Turin, 1857.
18. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Älteren. – München, 1855. – Bd. VII.

19. Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: The Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // *Speculum*. – 1970. – Vol. 45, No. 3. – P. 374–392.
20. Lemerle P. L'Émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: Recherche sur "La Geste d'Umur Pach". – Paris, 1957.
21. Lettres secrètes et curiales du pape Jean XXII (1316–1334) / ed. A. Coulon et S. Clémencet. – Paris, 1972. – Fasc. 10.
22. Mollat G. Jean XXII (1316–1334), Lettres communes analysées d'après les registres d'Avignon et du Vatican. – Paris, 1933. – Vol. XIII.
23. Nicephori Gregorae Byzantina historia / cura L. Schopeni. – Bonnae, 1829. – Bd. I.
24. Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I / Einl., Textausg., Übers. u. Anm. von H.-V. Beyer. – Wien, 1976.
25. Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaike / Übers. u. erl. von J. L. van Dieten. – Stuttgart : Hiersemann, 1979. – Bd. II/2.
26. Norden W. Das Papsttum und Byzanz: Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange es byzantinischen Reichs (1453). – Berlin, 1903.
27. Ostrogorsky G. Byzantinische Geschichte 324–1453. – München, 2006.
28. Bartusis M. C. The late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453, – Philadelphia, 1992.
29. Paparozzi M. Un opuscolo di Niceforo Gregoras sulle condizioni del dialogo teologico con i latini // La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo. Atti del Convegno storico interecclesiale (Bari, 30 apr. – 4 magg. 1969). – Padua, 1973. – P. 1331–1359.
30. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. – Wien, 1976–1996. – I–XII.+Add. zu I–VIII u. I–XII + Abk. – Verz. u. Gesamtregister.
31. Rapp F. Svatá Říše římská národa německého. Od Oty Velikého po Karla V. – Praha, 2007.
32. Raynaldus O. Annales ecclesiastici / ed. J. D. Mansi. – Paris, 1750.
33. Runciman S. Geschichte der Kreuzzüge. – München, 1995.
34. Setton K. M. The Byzantine Background to the Italian Renaissance // *Proceeding of the American Philosophical Society*. – 1956. – Vol. 100/1 (February).
35. Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571). – Philadelphia, 1976.
36. Sinkewicz R. A new interpretation for the first episode in the controversy between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas // *Journal of Theological Studies*. – 1980. – No. 31. – P. 489–500.
37. The Oxford Dictionary of Byzantium. – N. Y., 1991.
38. The shorte Cambridge Medieval History. – Vol. II : The Twelfth Century to the Renaissance. – Cambridge, 1971.
39. Tyerman C. J. Philip VI and the Recovery of the Holy Land // *The English Historical Review*. – 1985. – Vol. 100, No. 394. (Jan.). – P. 25–52.
40. Vidal J.-M. – Mollat G. Benoît XII (1334–1342). Lettres closes et patentes. – Paris, 1950.
41. Werner. E. Die Geburt einer Grossmacht. Die Osmanen. – Berlin, 1966.
42. Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ : Византия и средневековый Крым. – Симферополь : Таврия, 1995.
43. Гаген С. Я. «Политическая выгода» и «отеческое благочестие» в восприятии Никифора Григоры // *Власть, политика, право в античности и средневековье : сб. статей*. – Барнаул, 2003. – С. 202–209.
44. Гаген С. Я. «Священная лига» против турок (1332–1334) и ее восприятие в Византии и на Западе // *Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами) : тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 26–27 мая 2004 года)*. – М., 2004. – С. 43–44.
45. Гаген С. Я. Альянсы против турок в 1332–1344 гг. и проблема унии греческой и латинской церковей // *Россия – Крым – Балканы: диалог культур : научные доклады международной конференции*. – Екатеринбург, 2004. – С. 137–139.
46. Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. – М. : Юрлитинформ, 2012.

47. Гаген С. Я. Иоанн XIV Калека // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. XXIII. – С. 493–496.
48. Гаген С. Я. Иоанн Кантакузин // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. XXIV. – С. 296–303.
49. Гаген С. Я. Образ Византии в донесении французского доминиканца первой трети XIV в. // Античная древность и Средние века. – Екатеринбург, 2009. – С. 360–374.
50. Гаген С. Я. Политический фон папской миссии 1334/1335 г. в Константинополь // Античная древность и Средние века. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 380–391.
51. Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. – М., 1988.
52. История Византии. – М., 1967. – Т. 3.
53. Красиков С. В. Божественная трансцендентность и императорская власть у Никифора Григоры // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – С. 207–213.